

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ТЕКСТОЛОГИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ

средневекового
Ближнего
и Среднего Востока

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

А. М. Мокеев

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

В рукописном фонде Института истории АН КиргССР хранится обнаруженная недавно рукопись «Шаджара-йи насаб наме-йи илатийа» («Родословное древо и происхождение кочевых племен») ¹.

«Шаджара» написана на киргизском языке, почерком насталик, на обратной стороне свитка восточной бумаги. На лицевой стороне свитка даны выдержки из Корана и комментарии к ним — на арабском языке, разборчивым, но мелким почерком насх. Длина свитка — 3,13 м, ширина — 10,5 см.

Отсутствует имя автора «Шаджара», так же как и дата написания рукописи. Однако, несомненно, она написана позже, чем лицевая сторона свитка. Примерную дату этой генеалогии можно установить лишь на основании косвенных данных. Как явствует из текста сочинения, последнее лицо, упоминаемое в ней, носит имя Байгазы-баатыр. Согласно рассказу владельца рукописи Эсенгулова А., который является правнуком Байгазы, его прадед умер в 1898 г. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что настоящая генеалогия написана во время деятельности Байгазы-баатыра, т. е. не позднее конца XIX в.

Сочинение называется «Родословное древо и происхождение кочевых племен», но в нем излагается лишь последовательная генеалогия Байгазы-баатыра: «Согласно рассказу хазрата 'Уркаша потомками Шейх-Мансура Халладжа по мужской линии являются Рашид ал-хакк, его сын Муршид ал-хакк, его сын Аршид ал-хакк, его сын Газ ад-дин-бий, его сын 'Амад ад-дин-бий, его сын Мансур ад-дин-бий, его сын Сейид ад-дин-бий, его сын Сейид-'Али-бий, его сын Муз ад-дин-бий, его сын Долон-бий, его сын Арслан-бий, его сын Калпак-бий, его сын Туркман-бий, его сын Ормон-бий, его сын Бозлан-бий, его сын Сатыке-бий, его сын Каратай-бий, его сын Каракозу-бий, его сын Телкозу-бий, его сын Шергазы-бий, его сын Мырзакмат-бий, его сын Рахман-бий, его сын Галфур-бий, его сын Кабылан-бий, его сын Боз-Улан-бий, его сын Ак-Оглан-бий, его сын Тагай-бий, его сын Кылжыр-бий, его сын Доолос-бий, его сын Манап-бий, его сын Соотай-бий, его сын Сарысеит-бий, его сын Учуче-бий,

его сын Маматкулу-бий, его сын Болот-бий, его сын Эсенгул баатыр, его сын Ниязбек-баатыр, его сын Субан-баатыр, его сын Мусаке-баатыр, его сын Байгазы-баатыр».

Таким образом, генеалогия Байгазы-баатыра возводится до легендарного предка киргизского народа Шейх-Мансура ал-Халладжа, чье имя тесно связано с народной легендой о происхождении киргизов от потомков 40 девушек («кырк кыз») и который более известен в народе как Ана-л-хакк (другие формы: Аналак, Маналак, Шамансур, Самансур и т. д.) ².

Как установлено, имя Ана-л-хакк происходит от распространенного суфийского выражения «Ана-л-хакк», связанного с ал-Халладжем (858—922), казненным в Багдаде за дерзкое публичное заявление «Я есть истина» (т. е. «Я есть бог») — «Ана-л-хакк» ³.

В этом отношении значительный интерес представляет сообщение нашего источника, где имя Ана-л-хакка впервые дается полностью — Шейх-Мансур Халладж. Ни в одной из ранее известных записей генеалогии киргизов имя Ана-л-хакка не встречается в такой полной форме. Даже в сочинении XVI в. «Маджму' ат-таварих» сообщается только, что отцом предводителей киргизов Ходжента Лур-хана и Лур-Бузурга является Ана-л-хакк ⁴.

Сопоставление сообщений различных вариантов широко распространенной среди киргизов легенды о Шейх-Мансуре (Ана-л-хакке) дает основание полагать, что в этих народных преданиях и в настоящей «Шаджара» речь идет, несомненно, об известном суфийском шейхе-мистике X в. Абу Абдаллах ал-Хусайн ибн Мансур ибн Махамма ал-Байдави ал-Халладже ⁵.

Каким образом имя ал-Халладжа стало связываться с древней легендой киргизского народа о своем происхождении от потомков 40 девушек? В связи с этим возникает другой естественный вопрос: был ли когда-нибудь Шейх-Мансур Халладж в непосредственном контакте с киргизами или близкородственными им другими племенами, которые впоследствии вошли в состав киргизского народа?

Как установлено Л. Массиньоном, в 897 г. ал-Халладж со своими учениками и сподвижниками отправился из Багдада в Туркестан с целью обращения в ислам «неверных» тюркских народов ⁶. В этот период, по словам В. В. Бартольда, «пропаганда ислама подвергались преимущественно ближайшие соседи мусульманского мира в связи с политическим и культурным влиянием мусульманских держав. Независимо от государственных целей велась пропаганда ислама мистиками — дервишами. Шейхи дервишских орденов всегда имели большие успехи в степи, чем в культурных областях» ⁷.

После длительного путешествия ал-Халладж прибыл в город Кочо (Турфан), расположенный в Восточном Туркестане. Политическая обстановка в этом районе накануне приезда и в период пребывания ал-Халладжа была беспокойной. Л. Мас-

синьон без ссылки на какой-либо источник утверждает, что в 840 г. город Кочо, находившийся до этого в руках уйгурских каганов, был занят киргизами. Но в 865 г. новая династия уйгурских каганов все же сумела вновь установить свою власть над Бешбалыком (Пятиградье)⁸.

Возможно, именно об этом событии идет речь в анонимном сочинении X в. «Худуд ал-Алем», где говорится, что «город Пенчул (соответствующий нынешнему Уч-Турфану.— А. М.) находился во владениях карлуков, но владетель его был в зависимости от тогуз-огузов; теперь им завладели киргизы»⁹. Комментируя это сообщение, В. В. Бартольд допускал возможность переселения части киргизов в Семиречье в IX в. и указывал, что данное известие относится не ко времени написания сочинения, а к более раннему периоду — второй половине IX в., когда с падением Уйгурского каганата в 840 г. создавалась возможность расширения юго-западных границ киргизского государства¹⁰. Однако, обращаясь к этому факту в другом месте, В. В. Бартольд отметил, что «во всяком случае главная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже. Если бы киргизы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они, несомненно, приняли бы ислам в X или XI в.»¹¹.

Таким образом, В. В. Бартольд, учитывая отсутствие в доступных ему источниках каких-либо сообщений о влиянии ислама на киргизов в эту эпоху, исключал возможность переселения значительной части предков современного киргизского народа из бассейна Енисея в Семиречье в IX—X вв. Тем не менее, как видно, он не отрицал факта появления отдельных групп киргизов в Восточном Тянь-Шане в указанный период.

К сожалению, в научной литературе до сих пор совершенно не затрагивался вопрос о влиянии ислама на этих киргизов. Безусловно, это прежде всего объясняется скудостью и противоречивостью сообщений источников о древних киргизах в целом и отсутствием в них прямого указания относительно исламизации киргизских племен.

В этом отношении несомненный интерес вызывают сведения о киргизах, содержащиеся в сочинении автора XII в. ал-Марвази «Табаи ал-Хайван»¹². Хотя труд ал-Марвази был обнаружен уже после смерти В. В. Бартольда, но учеными-киргизоведами его сообщения почти не используются. В разделе о тюрках «Табаи ал-Хайван» говорится: «К ним (тюркам.— А. М.) относятся [также] киргизы, многочисленный народ, проживающий между летним востоком и севером; кимаки живут на севере, а ягма и карлуки — на западных пределах киргизов, тогда как Куча и Арк (Карашахр) расположены на юго-западных границах киргизов. Киргизы обычно сжигают трупы умерших, считая, что огонь очищает [от всяких грехов], однако это их старый обычай. После того как киргизы стали соседями мусульман, они перешли на захоронение умерших»¹³.

Известие о сжигании у киргизов трупов умерших и некото-

рые другие факты цитированного сообщения ал-Марвази, очевидно, заимствованы из более ранних источников, но его указания на то, что южными пределами киргизов были города Аксу и Карашахр и что в результате влияния соседних мусульманских народов они стали предавать земле тела покойников, безусловно, являются оригинальными.

Сообщение ал-Марвази о расселении киргизов в начале XII в. на севере Восточного Туркестана находит некоторое подтверждение в рассказе персидского историка XIII в. Джувейни о столкновении киргизов с кара-китаями в районе Турфана и Бешбалыка около 1130 г.¹⁴ А известие автора «Табаи ал-Хайван» о влиянии ислама на этих киргизов в какой-то мере перекликается со сведениями сочинения XVI в. «Маджму' ат-таварих» о почитании уже в XII в. киргизами (потомками 40 гузов) Ходжента имама Ибрахима Султана Заранджиша¹⁵.

В этом сочинении также встречается наиболее ранняя запись легенды о том, что отцом предводителей киргизов Ходжента (Лур-хана и Лур-Бузурга) является Ана-л-хакк, а распределение киргизов на «он» и «сол» — «правое» и «левое» крыло — приписывается упомянутому имаму Ибрахиму Султану Заранджишу, который якобы возглавил киргизское войско в борьбе против кара-китаев¹⁶.

Все это указывает на то, что легенда об Ана-л-хакке бытовала среди киргизов Тянь-Шаня уже в начале XVI в. Сопоставление содержания этой легенды и ее позднейших вариантов с изложенными выше сообщениями различных источников позволяет сделать вывод, что отдельные группы киргизов, по видимому, были обращены в ислам во время пребывания Шейх-Мансура ал-Халладжа в Туркестане в конце IX в. непосредственно им самим или его ближайшими соратниками. Иначе трудно объяснить устойчивое сохранение в народной памяти в течение многих столетий легенды о Шейх-Мансуре ал-Халладже (Ана-л-хакке).

Легенда об ал-Халладже могла сохраниться и у других народов и племен, которые во время путешествия ал-Халладжа, несомненно, проживали в пределах современного Киргизстана и Восточного Туркестана и впоследствии вошли в состав киргизского народа. Вероятнее всего, это были гузы, которые раньше всех тюркоязычных народов приняли ислам¹⁷. На это указывает, в частности, приведенная в «Маджму' ат-таварих» легенда, согласно которой киргизы происходят от потомков 40 гузов, а их предводителями были сыновья Ана-л-хакка Лур-Бузург и Лур-хан.

Насколько известно, Лур-Бузург (Лур-и Бузург) — это некий Абу-л-Хасан Фазлйа, по происхождению курд, живший в горах Сирии. Некоторые его наследники двинулись через Азербайджан на север, в Уштуран Кух, куда они прибыли около 1006 г.¹⁸ С ними в непосредственном контакте были не киргизы, а гузы, которые в составе войск сельджукского государ-

ства дошли до Сирии. Во время нашествия кара-китаев на Мавераннахр в середине XII в. часть гузов возвратилась в Среднюю Азию, после чего резко ухудшились их отношения с султаном Санджаром¹⁹. Совокупность этих фактов, на наш взгляд, проливает свет на происхождение приведенной в «Маджму' ат-таварих» легенды о происхождении киргизов от 40 гузов, которые укрылись в горах Ходжента от преследований султана Санджара и предводителями которых были якобы «сыновья» Ана-л-хакка Лур-Бузург и Лур-хан.

В этой связи также вызывает интерес упоминание в тексте «Шаджара» имени хазрата 'Уккаша как первоначального сочинителя настоящей генеалогии. Согласно другой легенде, приведенной в «Маджму' ат-таварих», хазрат 'Уккаша по происхождению был гузом. Однажды по торговым делам он отправился в Рум, а оттуда прибыл в Медину, где встретился с пророком. Мухаммед якобы написал письмо гузам и отдал его хазрату 'Уккаша. Гузы, прочитав письмо, сделали мусульманами. Далее рассказывается, что Али во время халифата Омара завоевал Рум и правителем гузов Рума назначил хазрата 'Уккаша. После смерти 'Уккаша его место занял некий Худадад, затем правителями гузов были Ибн ал-хакк и Рашид ал-хакк²⁰. Последнее лицо, упоминаемое в «Маджму' ат-таварих», и Рашид ал-хакк нашей «Шаджара», по-видимому, одно и то же лицо.

Другие лица, которые указаны в «Шаджара» до Тагай-бия, в какой-то степени перекликаются только с некоторыми именами легендарных предков киргизов «правого» крыла (предки Ак-Огула), приведенными в «Маджму' ат-таварих», и совершенно не совпадают с перечисленными там же персонажами генеалогии «левого» крыла (предки Ку-Огула).

Если, по данным «Маджму' ат-таварих», от Ак-Огула до Ана-л-хакка перечислено 18 поколений, то в «Шаджара» в качестве предков того же Ак-Огула приводятся имена 25 лиц, включая самого Шейх-Мансура Халладжа.

Из перечисленных выше персонажей генеалогии настоящими историческими личностями являются только Маматкулу-бий и его потомки. Маматкулу-бий в 1758 г., несмотря на свой преклонный возраст, являлся верховным правителем киргизских племен саяк и сарыбагыш²¹. О существовании других персонажей, представленных в «Шаджара» до Маматкулу-бия, пока достоверных фактов не имеется.

Несмотря на это, сопоставление материала «Шаджара» с аналогичными данными «Маджму' ат-таварих» позволяет сделать вывод, что первая написана на основе не только устных преданий, но и сообщений более ранних, не дошедших до нас записей генеалогии киргизских племен.

Основа же всех этих генеалогий, как свидетельствуют сообщения «Маджму' ат-таварих», была составлена еще в XV — начале XVI в. при активном участии суфийских шейхов, которые

использовали ранее распространенную среди киргизских или близкородственных им племен легенду об ал-Халладже (Ана-л-хакке) при обработке издревле бытовавших преданий киргизского народа о своем происхождении от потомков 40 легендарных девушек либо 40 гузов Ходжента. Такая обработка киргизских народных представлений в духе исламской идеологии была вызвана необходимостью упорочения позиций суфийских орденов среди киргизских племен.

¹⁹ Шаджара-йи насаб наме-йи илатийа. Рукопись № 88—1980 Института истории АН КиргССР.

²⁰ М. И. Ванюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — «Записки РГО». 1861, кн. 4, с. 155—156; В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1888, с. 15; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции». М., 1956, 1, с. 140.

²¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 205, примеч. 23.

²² Там же, с. 205; Собрание историй. Маджму' ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введ., указатели А. Т. Тагирджанова. М., 1960 (далее: Маджму' ат-таварих), с. 41.

²³ Более подробные сведения о жизни и деятельности ал-Халладжа см. В. В. Бартольд. К истории религиозных движений X в. — Сочинения. Т. 6. М., 1966, с. 492—502; L. Massignon. La passion de Hallaj martyr mystique de l'Islam. T. 1—4. P., 1975; El. N. ed. Vol. 3. 1971, с. 99—104.

²⁴ L. Massignon. La passion de Hallaj... T. 1, с. 66, 227.

²⁵ В. В. Бартольд. История Туркестана. — Сочинения. Т. 2, ч. 1. 1963, с. 125.

²⁶ L. Massignon. La passion de Hallaj... T. 1, с. 230.

²⁷ Худуд ал-алам. Рукопись Туманского. С введ. и указат. В. Бартольда. Л., 1930, с. 176.

²⁸ В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. — Сочинения. Т. 2, ч. 1, с. 492.

²⁹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. — Сочинения. Т. 2, ч. 1, с. 39.

³⁰ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English transl. and comment. by V. Minorsky. L., 1942.

³¹ Там же, с. 30, 104.

³² В. В. Бартольд. Киргизы..., с. 503.

³³ Материалы по истории киргизов..., с. 206.

³⁴ Там же; Маджму' ат-таварих, л. 21а, 57а.

³⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. — Сочинения. Т. 2, ч. 1, с. 243—244. В этой связи следует отметить, что в состав киргизского народа вошли некоторые гузские (огузские) племена, зафиксированные в трудах Махмуда Кашгарского и Рашид ад-Дина, а именно пичина (печенег, биджне) и жедигер (игдер, йигдер).

³⁶ EI, с. 1097.

³⁷ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Сочинения. Т. 2, ч. 1, с. 580—582; EI, с. 1095—1110.

³⁸ Маджму' ат-таварих, л. 96, 15а. Настоящее имя хазрата 'Уккаша — Абу Мухассин ибн Мухассин ал-Асади; считался одним из ближайших сподвижников (сахаба) пророка; был рядом с ним во время его бегства из Мекки в Медину (622); был убит лжепророком Тулайха ибн Хувалдом во время халифата Абу Бакра (11/632—13/634).

³⁹ Recueil de documents sur l'Asie centrale. Trad. du Si Yu Tou Thé par C. Imbault-Huart. P., 1881, с. 151—152.

Р. Г. Мукминова

НЕИССЛЕДОВАННЫЙ ДОКУМЕНТ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА

Самаркандские юридические документы конца XVI в. оформлены в виде рукописного сборника «Маджму'а-йи васайк». В настоящее время рукопись известна в единственном экземпляре и хранится в ИВ АН УзбССР (№ 1386). О значении этого сборника, включающего разнообразнейшие по содержанию судебные решения (часть их издана в русском и узбекском переводах¹), неоднократно сообщалось в работах исследователей, многие его документы плодотворно использовались для изучения истории Средней Азии².

Данная статья посвящена акту о разделе наследства — «Васика-йи тарака-наме»³, оставшегося после смерти Устада Тангри Берди — жителя квартала (куй) Папушдузан города Самарканда.

Содержание акта о наследстве можно условно разделить на несколько разделов.

В первом разделе приводятся 1) перечень наследников: жена покойного Устада Тангри Берди — Беги-Султан, сыновья его — два взрослых (близнецы) и один малолетний, дочери — одна взрослая и две малолетние; 2) указание о дележе всего наследства на 72 равные доли; 3) перечень количества долей, причитающихся каждому; 4) сообщение о том, что до раздела имущества из наследства была исключена в пользу вдовы Беги-Султан, как это полагалось по шариату, часть, составлявшая два ее махра.

По обычаю, обусловленный при бракосочетании махр — имущественное обеспечение невесты со стороны жениха в виде одежды, предметов домашнего обихода, а в зажиточных семьях в виде недвижимых имуществ, скота и т. п. — приравнивался к долгам умершего, и до раздела имущества наследство должно было быть «очищено» от махра, как и от других долгов. Размер махра устанавливался по согласию сторон. Предусматривались две формы махра: наличный (накд), который жена должна была получить при бракосочетании, и отложенный (насийа), передававшийся ей позже, в случае смерти мужа или необоснованного развода по требованию мужа⁴. Обязанность последнего

уплатить при разводе два махра зафиксирована, например, в документе от 26 мая 1590 г. из того же «Маджму'а-йи васайк»⁵.

В первом разделе васика говорится также, что деление имущества было совершено в присутствии «справедливых людей» после того, как «достойные доверия люди» признали распределение совершённым в интересах малолетних наследников.

Второй раздел акта включает список (назовем его условно основным) движимого и недвижимого имущества наследодателя с оценкой каждого объекта. В перечень входит «большой» милковый хаули (жилой дом, многочисленные помещения и двор), оцененный в 900 ханских серебряных танга. Он находился в упомянутом выше квартале Папушдузан и граничил с другими хаули, один из которых, определяемый как «маленький», также принадлежал Устаду Тангри Берди, но (как отмечается в васика) исключался из имущества, подлежащего разделу. Владельцами остальных хаули, примыкавших к дому и двору покойного, были два мастера (улад), двое ходжей и один маулана. Социальная категория остальных лиц, проживавших в одном с Устадом Тангри Берди квартале, в какой-то мере определяется названием Папушдузан, т. е. «шьющих обувь папуш». Исходя из того, что в специализированных кварталах обычно проживали мелкие производители данной специальности, можно полагать, что часть жителей квартала Папушдузан занималась шитьем особого вида обуви — папуш⁶.

В наследство входят также: мельница в тумане Шаудар Самаркандской округи (нахийа), при этом уточняется, что она «недействующая», стоимость ее — 345 серебряных танга; рабыня, русская, с двумя рожденными в данном доме детьми (все оценены в 120 серебряных танга); медные изделия (восемь блюд, два котла, один котелок общим весом 1,5 манна и стоимостью 96 танга); 10 маннов проса (25 танга). В опись наследства включены также долги двух лиц общей суммой в 516 танга.

В этом разделе акта особый интерес представляют сведения о включении в список наследственного имущества ремесленных изделий (разные виды ткани фута) и кампешового (красильного) дерева — чуб-и бакам. Последнее использовалось в основном как краситель, хотя из-за красивой окраски его древесина ценилась так же, как мебельный и паркетный материал. Наличие значительного количества кусков ткани фута дает основание полагать, что в данном случае чуб-и бакам применялся в качестве красителя. Относительно более позднего времени имеются сообщения, что бакам — красный и черный — использовался местными жителями для окрашивания шелка и замши⁷.

В основном списке числятся 429 шт. фута-и талвали (тилули? — *فوطه تولی*), 15 шт. фута-и набафта (*فوطه نابافته*) (смысл этих терминов выявить не удалось) и 60 дунимсиров (большим самаркандским весом) чуб-и бакам, т. е. 75 кг⁸.

Значительное количество красителя и особенно тканей в составе наследства служит материалом для выявления характера и масштабов деятельности Тангри Берди, его отношения как мастера (устад) к производству. Определенный интерес в этом плане представляют упоминающиеся в следующем, третьем разделе мастерская-кархана и 200 кг шелка-сырца.

В этом разделе акта помещен перечень вещей, причитающихся каждому наследнику. В доли распределенного имущества вошли не только те предметы, которые названы в рассмотренном выше основном списке, но и другие объекты, ранее не упомянутые в васика, в том числе: мастерская-кархана; лошадь; предметы домашнего обихода (все это входит в долю вдовы Беги-Султан); «маленький» хаули, т. е. жилой дом с постройками и двором, относительно которого в начале текста было сказано, что он не входит в имущество, подлежащее разделу, а здесь одна половина его причислена к доле Беги-Султан, другая — к доле старшей дочери; 15 маннов (300 кг) пшестан, другая — к доле старшей дочери; 15 маннов (300 кг) пшестан; 200 золотых танга (танга-и зар), вошедших в долю вдовы и старшей дочери покойного; 10 маннов (200 кг) шелка-сырца, включенных в доли старших сыновей; одна рабыня и два раба, один из которых назван «чернокожим», другой — «кудрявым». Все перечисленное дано без уточнения их стоимости.

По подсчетам, сделанным нами, общее число долей футы, вошедших в список выделенного каждому имущества, составляет 429 шт., что соответствует количеству футы, указанному в основном списке. Вес же чуб-и бакама, равный, согласно основному списку, 75 кг (60 дунимсирам), не соответствует, по сделанным нами подсчетам, общему весу бакама, входившего в долю каждого наследника, т. е. между данными основного списка и данными, получаемыми при суммировании долей чуб-и бакама, причитающихся каждому, имеются расхождения. В этом разделе акта приводятся также имена должников. Однако размеры долга указаны не во всех случаях.

«Васика-йи тарака-наме» завершается постановлением о назначении опекунов над малолетними детьми Тангри Берди. На попечение Хасан-Али, сына наследодателя, передавался его брат по отцу — Юсуф, на вдову Беги-Султан возлагалось воспитание двух единоутробных ее дочерей. При этом уточняется, что оба опекуна проживали в том же квартале Папушдузан, где располагался и дом Устада Тангри Берди.

В постановлении о назначении опекунов отмечается, что судья «наличное золото оформил на достойных доверия людей, с целью чтобы по мере возможности они выделяли по закону необходимые средства на содержание этих малолеток». Однако непонятно, о каком золоте идет речь. 50 «золотых танга наличными» и 150 «золотых хани наличными» входили в доли вдовы и старшей дочери. В составе наследства, выделенного Хасан-Али, который назначался опекуном малолетнего брата, зо-

лото, золотые монеты или деньги вообще не значатся. Следовательно, речь идет не об упомянутых выше золотых деньгах, доставшихся вдове и старшей дочери, а о каких-то других, предназначавшихся малолетним, но не указанным при перечислении наследства.

В документе нет даты, вместо нее написано «такого-то [числа]». Поэтому мы можем говорить лишь о приблизительном времени оформления васика, которое устанавливается путем изучения содержания других васика из цитируемого сборника. Почти все казийские решения, вошедшие в названный сборник, были оформлены в 1588—1591 гг., поэтому приблизительно к тем же годам можно отнести и регистрацию в казихана анализируемой васика. Нет на нашем «Васика-йи тарака-наме» и оттиска печати самаркандского казия, как правило скрепляющего другие документы, вошедшие в сборник «Маджму'а-йи васайк». Вместе с тем в васика сообщается, что акт был утвержден при свидетельстве справедливых людей и «с согласия правителя вилайата». Последнее, на наш взгляд, должно было придать особую значимость лицам, чьи интересы затрагивались в акте.

Имеющиеся в рассматриваемом акте о наследстве внутренние противоречия, а также замена в отдельных местах конкретных данных словом «такой-то», на первый взгляд, позволяют рассматривать данное тарака-наме как формуляр для составления актов о наследстве. Вместе с тем перечисление наследников по именам с уточнением возраста детей (совершеннолетний, малолетний, пять месяцев, пять лет), в том числе и детей рабыни; указание имен должников, числа, веса и стоимости каждого предмета, включенного в основной список наследственного имущества; подробный перечень предметов, вошедших в долю каждого наследника; перечисление количества и цен изделий ремесла, сырья и красителя — чуб-и бакам (причем последний в зависимости от количества, выделенного каждому наследнику, определяется в разных единицах веса: маннах, дунимсирах и др.); соответствие кусков ткани фута (429 шт.), указанных в основном списке, общей сумме кусков футы, причитающихся каждому наследнику, что требовало соответствующих расчетов, — все это позволяет полагать, что анализируемый «Васика-йи тарака-наме» был помещен в сборник документов не как образец для составления подобного рода актов о наследстве. Скорее всего, это акт, оформление которого столкнулось с целым рядом трудностей. При этом можно предположить, что некоторые неточности были внесены в акт преднамеренно, с целью завуалировать действительные размеры наследства несовершеннолетних детей. Коротенькие, по сравнению с описями других наследников, списки имущества малолетних Юсуфа и двух девочек включают куски футы, чуб-и бакам, долги двух лиц и небольшие денежные суммы: «полхани» и «пять динаров» — излишки, образовавшиеся при подсчете наследства в долях вдовы и старшей дочери покойного. Золото же (о котором упоминается в по-

становляющей части акта как о причитающемся малолетним) вообще не значится в их долях, т. е. младшим детям досталась та часть наследства, которая непосредственно не могла быть использована для них. Дома, мастерская, мельница, золотые монеты, зерно, рабы, предметы домашнего обихода — все это, как и многое другое, при дележе наследства вошло в доли основных членов семьи. И хотя в тексте акта отмечается, что раздел наследства был проведен в интересах малолеток, анализ его содержания позволяет усомниться в этом.

Невольно задумываешься, не умышленно ли были внесены в акт некоторые, отмеченные выше неточности, в результате которых возникли внутренние противоречия в содержании текста. Тем самым представлялась возможность толкования отдельных мест акта в пользу заинтересованной стороны, прежде всего тех, кто принимал непосредственное участие в распределении наследства.

Характерно в этом отношении то место акта, где сообщается, что судья Самарканда (в тексте: упомянутый господин) «наличное золото оформил на достойных доверия людей, с целью чтобы...они выделяли...средства на содержание этих малолеток, а то, что составит излишек, пусть...хранят». Однако ни в основном списке имущества, ни в коротеньких перечнях наследства, причитающегося малолетним детям, золото или деньги вообще не числятся.

И здесь невольно вспоминаются слова историка Мухаммеда Амина, который в своем сочинении дает характеристику одного из судей, «променявшего законы шариата на динары и дирхемы». «Когда положение казия [окончательно] ухудшилось, — пишет автор, — не осталось для него ничего, кроме интриг, порочных мыслей и изъятия имущества униженных, угнетенных и притесненных людей». И далее: «Упрочив яд разврата и клеветы на законы шариата, он совершил новые подлости и грехи»; «Имущество сирот он считал как честно заработанные наличные деньги...»⁹.

Возможно, именно подобные, слишком явные нарушения положений шариата были причиной того, что вопрос о наследстве Тангри Берди не был решен до конца и достоверность акта не была подтверждена оттиском печати верховного казия Самарканда.

Одним из затруднений, помешавших оформлению акта, могли быть ошибки, допущенные при подсчетах общего веса красителя. Как оказалось, вес чуб-и бакам, указанный в общем списке, не соответствует общему весу кампешевого дерева, входившего в долю всех наследников, ибо чуб-и бакам был распределен между наследниками следующим образом: Беги-Султан — 0,5 манна (10 кг), Юсуфу — 5 сиров (2,5 кг), Биби-Джан и Биби-Дуст — 15 дунимсиров и нимча (18,828 кг), Аппок-Султан — дунимсир и нимча (1,328 кг), Хасан-Али — 30 сиров (15 кг), Хусейн-Али — 13 дунимсиров (16,25 кг). Всего (подсчет сделан

нами) — 51,125 дунимсиров (63,906 кг) (в основном списке наследства значится 60 дунимсиров).

Таким образом, использование нами применительно к этому документу термина «акт» лишь условно.

Однако в любом случае, независимо от того, является ли рассматриваемый документ недооформленным актом или он был составлен как формуляр, конкретные данные носят достоверный характер. Изучение содержания сотен других судебных решений из того же «Маджму'а-йи васайк» дает нам основание считать, что и рассматриваемая васика отражает в целом реальную действительность, а сам Устад Тангри Берди является лицом, какие в тот период действительно могли проживать в Самарканде. Все это позволяет использовать материал данного документа при разработке истории городов Средней Азии, в частности Самарканда, конца XVI — начала XVII в.

Проанализированные материалы показывают, что Устад Тангри Берди, смерть которого можно отнести к концу 80-х — началу 90-х годов XVI в., был одним из богатейших самаркандцев. Он владел двумя хаули с жилыми домами и многочисленными постройками. Один из них (милковый) оценивался в 900 серебряных танга, что составляло по сравнению с ценами других домов в Самарканде тех же лет довольно высокую сумму. Цены, упоминаемые в документах «Маджму'а-йи васайк» в связи с закладом или куплей-продажей домов, по всей вероятности принадлежавших в основном рядовым горожанам, вынужденным из-за материальных затруднений заложить или продать свои дома, колеблются от 120 до 200, реже до 600 серебряных танга, т. е. многие из них стоили в несколько раз дешевле дома богатого наследодателя. Цена другого его хаули, определяемого по сравнению с первым как «маленький», не указана.

В состав имущества, перечисляемого в васике, входили, кроме того, мельница, 200 золотых танга наличными, 500 кг пшеницы и проса, дорогие предметы домашнего обихода. В наследстве значатся также рабы: русская рабыня-служанка (канизак), имевшая двоих детей, рожденных в данном доме (упоминаются в основном списке наследства); рабыня без указания национальной принадлежности и два раба (гулям), названные в долях наследства, причитающихся старшей дочери покойного и двум его взрослым сыновьям. Наличие рабов, использовавшихся, по всей вероятности, в домашнем хозяйстве, также красноречиво свидетельствует об экономическом положении Устада Тангри Берди. Вместе с тем рабы в доме и предметы домашнего обихода (дорогая ткань камка, матрац из катана и др.) позволяют расширить наше представление о жизни и быте тех слоев населения Самарканда, к которым можно отнести Устада Тангри Берди.

Общая стоимость наследственного имущества не указана. По нашим подсчетам, цена имущества, перечисленного в ос-

новном списке, составляет: хаули — 900 серебряных танга; мельница — 345; рабыня с двумя детьми — 120; 10 маннов проса — 25; медные изделия — 96; 429 шт. футы — 3432; 60 дунимсиров бекама — 120; 15 фута-и набафта — 75; всего — 5024 ханских серебряных танга. В эту сумму не входят стоимость «маленького» хаули, трех рабов, лошади, предметов домашнего обихода, 300 кг пшеницы, 200 золотых танга (хани) и долги поименованных в третьем разделе акта лиц. При этом характерно, что в числе должников называется и глава духовенства — шейхулислам.

Все перечисленное выше позволяет реально представить экономическое и социальное положение Устада Тангри Берди в городском обществе того времени.

Вместе с тем Устад Тангри Берди был не просто богатым самаркандцем. Важно то, что в оставшееся от него наследство входило значительное число изделий ремесла и сырья, а также мастерская-кархана.

Приведенные сведения позволяют заключить, что Устад Тангри Берди был хозяином и организатором крупного для того времени производства. Судя по характеру товаров и их количеству, он должен был иметь дело как с ремесленниками, так и с теми, кто доставлял и реализовывал сырье — шелк-сырец и чуб-и бакам. Последний поставлялся в Самарканд из стран, расположенных под тропиками, и, по всей вероятности, прежде чем попасть в город, должен был пройти через ряд рук местных и транзитных торговцев.

Характер ремесленной продукции и сырья, с которыми имел дело Устад Тангри Берди, дает основание полагать, что он был занят организацией производства изделий, в состав которых входил шелк и для которых использовался краситель чуб-и бакам, и что названная в документе мастерская-кархана работала на местной (шелк-сырец) и привозной (чуб-и бакам) сырьевой базе.

Следует учесть еще один факт, весьма характерный для деятельности Устада Тангри Берди. Ни в основном списке, ни в списке долей имущества, причитающихся каждому наследнику, не называются ни пахотная земля, ни посевы, ни сад — никакая земельная собственность. Сочетание в одних и тех же руках многочисленных торгово-ремесленных предприятий и крупных земельных владений — факт известный в истории Средней Азии XVI в. Представители царствующего дома Шейбанидов владели сотнями торгово-ремесленных заведений и земельными участками, десятками селений и другими видами движимого и недвижимого имущества¹⁰, но в письменных источниках нам не встречались конкретные примеры того, чтобы представители эксплуатирующего класса в XVI в. выступали лишь как владельцы жилых домов, мастерских, большого числа ремесленных изделий и полуфабрикатов, не владея одновременно земельными участками. И из юридических документов нам неизвест-

ны другие лица, подобные Устаду Тангри Берди. Рассмотренный выше пример пока единственный.

Тангри Берди называется мастером — уstad. Анализ других сведений из того же «Маджму'а-йи васайк» относительно мастеров — уста, проживавших в Самарканде в те же годы, что и Тангри Берди, и сопоставление этих данных с материалами нашего тарака-наме показывают, что в рассматриваемый период в Самарканде «мастера» отличались друг от друга в экономическом и юридическом отношении. Например, ремесленники, упоминаемые в «Маджму'а-йи васайк» в связи с арендой или закладом лавок-мастерских, или должники торговца-скупщика и крупных феодалов, безусловно, не были богатыми и составляли совершенно иную прослойку городских уста.

К изложенному следует добавить, что изученные материалы дают возможность выявить цены на отдельные предметы, которые, вероятно, отражают средние цены в Самарканде конца XVI в. Наши подсчеты цен на отдельные предметы свелись к следующему: один кусок футы (фута-и талвали или тулули, она же фута-и гилим) стоил 8 танга; один кусок фута-и набафта — 5; 1 дунимсир (¹/₁₆ манна) чуб-и бакама — 2; 1 манн проса — 2,5; 1 манн медных изделий — 64 танга. Сравнение этих данных с подобными сведениями других письменных источников о ценах в Самарканде и других городах XVI в. могло бы в дальнейшем позволить расширить возможности исследователей в выявлении соотношения цен в разные годы в разных местностях.

Денежные единицы, фигурирующие в документе, — это «танга ханские (хани), серебряные, беспримесные, чистые, одномискальные, чеканные, старые», а также динары и «танга-йи зар» — золотые танга. Термины «танга» и «тангача» использовались в данном акте в одном и том же значении.

Вес чуб-и бакама выражен в маннах, сирах, дунимсирах и нимча.

В рассмотренном акте встречаются термины, точное значение которых пока не определено. Изучение хозяйственно-правовой терминологии, использовавшейся в актах, как и разбор других подобных документов, в дальнейшем даст возможность на конкретных фактах еще глубже изучить место города в системе общественного разделения труда, взаимоотношения различных социальных групп городского населения, экономическую жизнь города вообще и своеобразие важного для истории Средней Азии центра — Самарканда.

¹ Казийские документы XVI века. Таш., 1937; Васикалар туплами (XVI аснинг иккинчи ярми Самарканд областидаги юридик документлар). Тошкент, 1982 (на узб. яз.).

² Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Таш., 1976. Е. А. Давидович с 1950 г. широко использовала эти документы для изучения главным образом денежного обращения в XVI в. и метрологии (см., например: Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и об-

ращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). — «Труды САГУ». Новая серия. Таш., 1950, вып. 11; она же. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970).

³ Маджму'а-йи васайк. Рукопись ИВ АН УзССР № 1386, л. 229а, б. В сборнике есть и еще один документ о разделе наследства (л. 227а, б). Подробнее см. Р. Г. Мукминова. К истории ремесленных мастерских-кархана XVI в. (Чугунолительная мастерская Самаркандской области). — Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980, с. 190—196.

⁴ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. (Курс лекций). Л., 1966, с. 174; А. Н. Кисляков. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1977, с. 55, 86, 87.

⁵ Маджму'а-йи васайк, л. 224.

⁶ Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла..., с. 150—151.

⁷ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки. М., 1872, с. 45, 50.

⁸ В городах Востока употреблялись одноименные единицы веса разного размера. Из выявленных самаркандских маннов и дунимсиров наиболее подходящим для взвешивания чуб-и бакама мы сочли манн в 20 кг, дунимсир — 1,25 кг, сир — 0,5 кг, нимча — 78 г (см. Е. А. Давидович. Материалы по метрологии..., с. 85, 90, 97).

⁹ Мухаммед Амин. Мазхар ал-ахвал. Рукопись ИВ АН УзССР № 1936, л. 936, 1296.

¹⁰ Многочисленные примеры см. П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954; Р. Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Таш., 1966.

В. Н. Настич

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЭПИГРАФИКА АРАБСКОГО ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Важное место в системе источниковедения истории Средней Азии занимают эпиграфические памятники мусульманского средневековья. Они служат серьезным дополнением к комплексу наших знаний о прошлом, почерпнутых из средневековых рукописей и археологических раскопок, а нередко и существенно уточняют уже известные исторические данные.

Особенно серьезное значение приобретают памятники эпиграфики для областей, удаленных от традиционных центров мусульманской культуры. Отсутствие прочной нарративной традиции, общая малочисленность оригинальных письменных источников, фрагментарность и противоречивость данных, содержащихся в исторических и географических сочинениях, созданных за пределами этих областей, ощутимо восполняются сведениями, почерпнутыми из местных арабописьменных эпиграфий и монументальных надписей. В этих условиях эпиграфические памятники часто оказываются единственными источниками, повествующими о конкретных фактах, событиях и личностях того или иного исторического периода.

О том, что памятники средневековой эпиграфики являются полноценным историческим источником, и о научной важности содержащихся в них сведений сказано и написано за последние десятилетия столько, что одни лишь ссылки на соответствующие работы заняли бы не одну страницу. Однако и сегодня «дистанция огромного размера» между призывами к активному поиску, изучению старых надписей¹ и конкретным делом сокращается весьма медленно. Фиксация и учет памятников до сих пор ведутся неравномерно, подчас, стихийно, целые области в наших азиатских республиках все еще остаются вне поля зрения востоковедов — филологов и историков. Далеко не блестяще обстоит дело и с научно-методическим и техническим уровнем эпиграфических публикаций, число и регулярность появления которых тоже оставляют желать лучшего.

Такое положение можно объяснить разными причинами: уда-